

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.69.12.029

К вопросу о процессуальном положении лица, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

Перетоккина Виктория Викторовна

Аспирант кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69;
e-mail: Peretokina@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие права лиц, в отношении которых решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу. Автор приходит к выводу о том, что в том случае, когда, несмотря на наличие заболевания, у лица сохраняется способность самостоятельно реализовывать комплекс процессуальных прав по защите своих интересов, на легальном уровне ему должна быть предоставлена возможность непосредственно участвовать в судопроизводстве посредством реализации комплекса процессуальных прав, а именно на личное ознакомление с материалами уголовного дела, на участие в судебном заседании при его рассмотрении, на заявление ходатайств, инициирование рассмотрения вопроса об изменении и прекращении применения принудительных мер медицинского характера и обжалование принятых по делу процессуальных решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Перетоккина В.В. К вопросу о процессуальном положении лица, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 7А. С. 104-111. DOI: 10.34670/AR.2022.69.12.029

Ключевые слова

Права и свободы человека, принудительные меры медицинского характера, уголовное судопроизводство, справедливое судебное разбирательство, право на защиту.

Введение

В доктрине уголовного процесса общепринятой является точка зрения о том, что субъективные права и гарантии их реализации формируют ядро процессуального статуса любого участника уголовного процесса. Лицо, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на наш взгляд, не является исключением.

Однако еще на этапе разработки проекта УПК РФ вопрос о предоставлении названному лицу полного объема процессуальных прав, которые присущи, например, обвиняемому или подозреваемому, являлся предметом активных дискуссий. Их результатом стало полное отсутствие в главе 7 (Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты) и в главе 51 УПК РФ (Производство о применении принудительных мер медицинского характера) обособленной нормы, регламентирующей процессуальные права лица, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, а впоследствии ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Основная часть

Как справедливо указывает А.П. Колмаков, подобный подход законодателя может расцениваться как отступление от принципа равенства, в соответствии с которым права человека, независимо от того, здоров он или болен, являются высшей ценностью в правовом и демократическом государстве [Колмаков, 2004, 87-89]. В специальных исследованиях, посвященных проблемам уголовного судопроизводства в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, неоднократно высказывались предложения о дополнении гл. 51 УПК РФ статьей, содержащей перечень процессуальных прав такого лица [Осипов, 2016, 136], но, как уже было отмечено, до настоящего времени они не нашли поддержки законодателя.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобы граждан на ряд решений судов субъектов РФ, нарушающих права лиц, в отношении которых велось производство о применении принудительных мер медицинского характера, указал, что «в правоприменительной практике изъятия из общего порядка производства по уголовному делу в отношении данной категории лиц толкуются как изъятия из их процессуального статуса, исключающие возможность личного участия в производстве по уголовному делу, в то время как при обеспечении процессуальных гарантий лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства, необходимо исходить не только из формального наделения их соответствующим процессуальным статусом, но и, прежде всего, из существенных признаков, характеризующих их фактическое положение» [Постановление Конституционного суда РФ от 20.11.2007 № 13-П, 2007]. Исходя из того факта, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, Конституционный Суд РФ признал ряд статей УПК РФ (например, ст. 402, ч. 3 ст. 433, ст. 437, 438 и др.) не соответствующими Основному закону на том основании, что они не позволяют указанным лицам лично знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения принудительных мер медицинского характера и

обжаловать принятые по делу процессуальные решения.

Самостоятельную проблему формирует отсутствие гарантий защиты правовых интересов лица, которое помещается в психиатрический стационар для решения вопроса о необходимости применения к нему принудительных мер медицинского характера, с учетом того факта, что в данном случае ограничивается основное право человека – на свободу и личную неприкосновенность. Лицо, в отношении которого имеются основания для производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы, находится в статусе подозреваемого или обвиняемого. Исходя из положений ст. 203 УПК РФ, если в отношении него не применена мера пресечения в виде заключения под стражу, то он помещается в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения. Если же подозреваемый (обвиняемый) находится под стражей, то помещение в психиатрический стационар осуществляется в порядке изменения меры пресечения в форме перевода данного лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 1 ст. 435 УПК РФ). В специальной литературе высказывались обоснованные суждения относительно несовершенства положений ст. 435 УПК РФ как в части статуса лица, помещаемого в психиатрический стационар, поскольку законодатель не оперировал терминами «подозреваемый» и «обвиняемый», так и в части отсутствия процессуальных гарантий досудебного ограничения свободы, аналогичных тем, что предоставляются подозреваемым (обвиняемым) при заключении под стражу [Суховерхова, 2012, 81]. В этой связи Конституционным Судом РФ при рассмотрении вопроса о конституционности ч. 1 ст. 435 УПК РФ было указано на необходимость уточнения законодателем механизма и условий помещения лиц, «к которым в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в том числе в части порядка и оснований продления срока их нахождения в такой медицинской организации, введения ограничительных требований к режиму их содержания в этой медицинской организации, а также прав, предоставляемых этим лицам, их защитникам и законным представителям при применении данной процессуальной меры» [Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П, 2018].

В 2021 году ст. 435 УПК РФ была изложена в новой редакции [Федеральный закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ, 2022]. Анализ положений названной нормы позволяет, на наш взгляд, констатировать, что цель помещения в психиатрический стационар законодателем не определена, с учетом термина «временное помещение...», а также наличия перечня ограничений, накладываемых на такое лицо (ч. 5 ст. 435 УПК РФ), данная мера применяется для обеспечения производства по уголовному делу по тем же основаниям, что и меры пресечения (ст. 97 УПК РФ). Лечение психически больного подозреваемого (обвиняемого) в качестве цели помещения в медицинское учреждение не указано. Полагаем, что отсутствие легально определенной цели в данном случае не соответствует принципу правовой определенности и негативно сказывается на защите правовых интересов душевнобольного лица, попавшего в орбиту уголовного судопроизводства. Если психическое состояние лица, содержащегося под стражей, создает непосредственную опасность для него самого и окружающих, то оно помещается в стационар для оказания психиатрической помощи. Однако, в силу отсутствия прямого указания в уголовно-процессуальном законе, госпитализация для этой цели либо не

используется вовсе, либо используется крайне редко и несвоевременно. По тяжким и особо тяжким преступлениям производится задержание и применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении таких лиц даже в случаях, когда имеются данные о наличии у них тяжелых психических расстройств. Экспертные исследования, как правило, назначаются после заключения под стражу, перевод в психиатрический стационар на основании ч. 1 ст. 435 УПК РФ возможен только после получения экспертного заключения, т.е. по прошествии значительного количества времени. Как результат, лица, страдающие тяжелыми психическими расстройствами, продолжительное время лишены психиатрической помощи. Думается, что временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, должно быть предусмотрено не только в качестве альтернативы заключению под стражу, но и в качестве превентивной меры, применяемой для оказания психиатрической помощи и недопущения причинения вреда как самому лицу, страдающему психическим заболеванием, так и окружающим.

Кроме того, УПК РФ не содержит гарантий ограничения свободы лица, не содержащегося под стражей, при его помещении в психиатрический стационар, поскольку в ч. 2 ст. 203 УПК РФ отсылает к процессуальной форме получения судебного решения на производство следственного действия, предусмотренной ст. 165 УПК РФ, но такая не содержит гарантий, необходимых для ограничения свободы. Так, в судебном заседании вправе участвовать только прокурор и следователь (дознатель), без участия самого лица, в отношении которого рассматривается вопрос о помещении в психиатрический стационар, и его защитника. Вновь обращаясь к позиции Конституционного Суда РФ, укажем, что душевнобольным лицам должно быть гарантировано право на справедливое судебное разбирательство, а также право на защиту, реализуемое как лично, так и посредством защитника. Это положение в силу универсальности самого права на судебную защиту прямо распространяется на те случаи, когда в ходе предварительного следствия следователь обращается в суд с ходатайством о помещении подозреваемого, обвиняемого в психиатрический стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы [Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О, [www](#)].

Перечисленные проблемы тесно связаны с определением процессуального статуса душевнобольного лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство. До получения результатов судебно-психиатрической экспертизы такое лицо находится в статусе подозреваемого (обвиняемого). Однако с момента приобщения к материалам уголовного дела заключения судебно-психиатрической экспертизы эти лица фактически утрачивают уголовно-процессуальную дееспособность.

Если следователем доказан факт совершения лицом запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости, а его психическое расстройство не представляет опасности для себя и других лиц, то уголовное дело подлежит прекращению. Если же будет установлено, что лицо представляет опасность для себя и других лиц, то следователь выносит постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера. При этом лицо утрачивает статус обвиняемого (подозреваемого), но в гл. 51 УПК РФ не содержится положений, регламентирующих вынесение процессуального акта, определяющего его новый статус. Хотя именно такой процессуальный документ, по справедливому замечанию специалистов, должен определять временные рамки перехода от унифицированной уголовно-процессуальной формы к усложненному порядку производства

[Авдеев, Белоусова, 2016, 9].

Анализ судебной практики в Воронежской области показывает, что суды зачастую нарушают процессуальные права лиц, страдающих психическими заболеваниями, в том числе и в части предоставления возможности непосредственного участия в производстве по уголовному делу. Так, например, апелляционной инстанцией по уголовным делам Воронежского областного суда было отменено постановление Советского районного суда г. Воронежа, которым Л. был освобожден от уголовной ответственности за совершение запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ, с применением к нему принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа. При этом районным судом было отказано в ходатайстве Л. о прекращении уголовного дела вследствие акта амнистии на основании того, что он не является субъектом заявления ходатайств, поскольку его процессуальные права могут быть реализованы только через законного представителя. Суд апелляционной инстанции в своем постановлении указал, что в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого может быть прекращению вследствие акта об амнистии. При этом закон не связывает психическое состояние с применением в отношении лица акта об амнистии, если на этот счет не содержится ограничений в самом Постановлении об амнистии. Суд также признал необоснованным отказ в удовлетворении заявленного Л. ходатайства, поскольку его процессуальные права могут быть реализованы как лично, так и через законного представителя [Архив Воронежского областного суда. Уголовное дело № 22-1835/2018].

Полагаем, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должно быть наделено особым процессуальным статусом с учетом его правового положения. Данный тезис может быть аргументирован следующим. Во-первых, указанное лицо имеет очевидный интерес в исходе уголовного дела, поскольку фактически он обвиняется в совершении общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления, т.е. в этом смысле его правовое положение тождественно обвиняемому (подозреваемому). Однако законный интерес лица в данном случае несколько иной: применение принудительных мер медицинского характера в установленном законом порядке; прекращение уголовного дела в тех случаях, когда отсутствуют основания применения принудительных мер медицинского характера; соответствие вида принудительного лечения его психическому состоянию.

Во-вторых, отсутствие в УПК РФ легально установленных границ процессуального поведения лица лишает его возможности отстаивать свои законные интересы, что, в свою очередь, не позволяет говорить о наличии сколь-нибудь значимых процессуальных гарантий. В настоящее время в качестве процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, выступает обязательность участия в процессе защитника и законного представителя (ст. 437, 438 УПК РФ), т.е. речь идет об опосредованных процессуальных гарантиях.

В-третьих, содержание процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должно учитывать тот факт, что оно не является ни обвиняемым, ни подозреваемым, что не позволяет автоматически применить положения ст. 46, 47 УПК РФ. Вместе с тем, в ч. 1 ст. 437 УПК РФ в 2010 году, в соответствии с названным выше Постановлением Конституционного Суда РФ, было внесено существенное дополнение, предоставляющее лицу лично осуществлять

принадлежащие ему права, предусмотренные ст. 46, 47 УПК РФ, если ему позволяет психическое состояние [Федеральный закон от 29.11.2010 № 323-ФЗ, www]. Вопрос о возможности личного участия в деле решается на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы и, при необходимости, медицинского заключения медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. При этом законодатель по-прежнему обходит молчанием целый ряд принципиальных вопросов. Так, полагаем, что в силу специфики производства, предусмотренного гл. 51 УПК РФ, лишь некоторые права обвиняемого могут быть реализованы лицом, в отношении которого осуществляется особый порядок судопроизводства, а именно знать, в совершении какого деяния, запрещенного уголовным законом, его уличают; получать копию постановления о прекращении уголовного дела или направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера; давать показания относительно инкриминируемого общественно опасного деяния либо отказаться от дачи показаний; пользоваться помощью законного представителя и защитника, который допускается к участию в деле с момента, предусмотренного ст. 438 УПК РФ.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить положение, согласно которому участие в уголовном деле защитника или законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не является основанием ограничения какого-либо его права, за исключением тех случаев, когда в силу психического состояния он не может его реализовать самостоятельно.

Библиография

1. Авдеев В.Н., Белоусова С.В. Права лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы // Медицинское право. 2016. № 2. С. 6-9.
2. Архив Воронежского областного суда. Уголовное дело № 22-1835/2018.
3. Колмаков П.А. Об основаниях появления нового участника уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2004. № 3. С. 87-89.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (Часть 1). Ст. 69.
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.11.2010 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Осипов А.Л. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерения // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 136-142.
7. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: постановление Конституционного суда РФ от 20.11.2007 № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48. Ст. 6030.
8. По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 23. Ст. 3387.
9. По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О // СПС «КонсультантПлюс».
10. Суховерхова Е.В. Помещение в психиатрический стационар в соответствии со ст. 435 УПК РФ – разновидность заключения под стражу или отдельная мера пресечения? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 80-82.

To the question of the procedural status of the person in respect of whom the issue of placement in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions is being resolved

Viktoriya V. Peretokina

Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure Law
named after. N.V. Radutnaya,
Russian State University of Justice,
117418, 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Peretokina@mail.ru

Abstract

The article analyzes the norms of criminal procedure legislation regulating the rights of persons against whom proceedings are being conducted on the use of compulsory medical measures, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue. The author comes to the conclusion that in the case when, despite the presence of a disease, a person retains the ability to independently exercise a set of procedural rights to protect his interests, at the legal level he or she should be given the opportunity to directly participate in the proceedings through the implementation of a set of procedural rights, namely to personally familiarize himself or herself with the materials of the criminal to participate in the court session during its consideration, to apply for petitions, to initiate consideration of the issue of changing and terminating the use of compulsory medical measures and to appeal procedural decisions taken in the case.

For citation

Peretokina V.V. (2022) K voprosu o protsessual'nom polozhenii litsa, v otnoshenii kotorogo reshaetsya vopros o pomeshchenii v meditsinskuyu organizatsiyu, okazyvayushchuyu psikhiatricheskuyu pomoshch' v stacionarnykh usloviyakh [To the question of the procedural status of the person in respect of whom the issue of placement in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions is being resolved]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (7A), pp. 104-111. DOI: 10.34670/AR.2022.69.12.029

Keywords

Human rights and freedoms, compulsory medical measures, criminal proceedings, fair trial, right to defense.

References

1. Arkhiv Voronezhskogo oblastnogo suda. Ugolovnoe delo № 22-1835/2018 [Archive of the Voronezh Regional Court. Criminal Case No. 22-1835/2018].
  2. Avdeev V.N., Belousova S.V. (2016) Prava litsa, v otnoshenii kotorogo vedetsya proizvodstvo o primenении prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera pri naznachении i proizvodstve sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy [The rights of a person against whom proceedings are being conducted on the use of compulsory medical measures in the appointment and production of a forensic psychiatric examination]. *Meditsinskoe pravo* [Medical law], 2, pp. 6-9.
  3. Kolmakov P.A. (2004) Ob osnovaniyakh poyavleniya novogo uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva [On the grounds of the appearance of a new participant in criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 3, pp. 87-89.
-

Viktoriya V. Peretokina

4. O vnesenii izmenenii v Uголовно-protseссual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 30.12.2021 № 500-FZ [On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 500-FZ of December 30, 2021] (2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 69* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 69], 1 (part 1).
5. O vnesenii izmenenii v Uголовно-protseссual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 29.11.2010 № 323-FZ (red. ot 29.12.2010) [Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ of November 29, 2010 (as amended on December 29, 2010)]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant].
6. Osipov A.L. (2016) Proizvodstvo o primenenii prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera: natsional'noe i mezhdunarodno-pravovoe izmereniya [Proceedings on the use of compulsory medical measures: national and international legal dimensions]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 3, pp. 136-142.
7. Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozenii statei 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 i 445 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan S.G. Ablamskogo, O.B. Lobashovoi i V.K. Matveeva: postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 20.11.2007 № 13-P [In the case of checking the constitutionality of a number of provisions of articles 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 and 445 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S.G. Ablamsky, O.B. Lobashova and V.K. Matveev: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of November 20, 2007] (2007). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 6030* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 6030], 48.
8. Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 435 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan D. i K.: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.05.2018 № 20-P [In the case of checking the constitutionality of Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens of D. and K.: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of No. 20-P of May 24, 2018] (2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 3387* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 2287], 23.
9. Po zhalobe grazhdanina Korkovidova Artura Konstantinovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'yami 195, 198 i 203 Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18.06.2004 № 206-O [On the complaint of citizen Arthur Konstantinovich Korkovidov for violation of his Constitutional Rights by Articles 195, 198 and 203 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 206-O of June 06, 2004]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant].
10. Sukhoverkhova E.V. (2012) Pomeschenie v psikhiatricheskii statsionar v sootvetstvii so st. 435 UPK RF – raznovidnost' zaklyucheniya pod strazhu ili otdel'naya mera presecheniya? [Placement in a psychiatric hospital in accordance with Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – a type of detention or a separate preventive measure?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 80-82.